

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Сорокина А.А. Динамика персонального состава землевладельцев Дорогобужского уезда (по переписным книгам 1659, 1668, 1678 гг.): к постановке проблемы // Genesis: исторические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.9.75793 EDN: YNENJF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75793

Динамика персонального состава землевладельцев Дорогобужского уезда (по переписным книгам 1659, 1668, 1678 гг.): к постановке проблемы

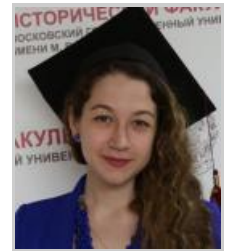
Сорокина Анастасия Андреевна

ORCID: 0000-0003-2940-7579

аспирант; исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
специалист по учебно-методической работе; кафедра истории России до начала XIX века,
исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1Б

✉ sorokina1999@yandex.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.9.75793

EDN:

YNENJF

Дата направления статьи в редакцию:

07-09-2025

Дата публикации:

15-09-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена изучению ряда вопросов, связанных с землевладением в Дорогобужском уезде (одном из четырёх уездов Смоленской земли, вошедшей в состав Московского государства по итогам русско-польской войны 1654–1667 гг.). Объектом исследования являются различные группы землевладельцев данного региона. В качестве предмета исследования выступает динамика разных землевладельческих категорий на протяжении почти 30 лет. Предпринимаются первые шаги по характеристике персонального состава дорогобужских землевладельцев. Рассматривается их количество, социальный и гендерный состав, определяются возможные причины появления в их числе представителей тех или иных служилых

корпораций или неслужилых сообществ. Источниками исследования послужили переписные книги Дорогобужского уезда, составленные в 1659, 1668 и 1678 гг. Сведения переписных книг, в том числе о землевладельцах, переносятся в базы данных. Исследование состава землевладельцев проводится с помощью историко-сравнительного (сопоставление информации разновременных источников) и историко-типологического метода (выделение категорий землевладельцев). Историко-генетический метод помогает сделать предварительные выводы о причинах динамики конкретных землевладельческих групп. Впервые в исследовательской практике суждения о состоянии землевладения в Дорогобужском уезде выносятся на основе анализа первичной информации переписных книг. Подтверждается, что подавляющая часть земельных владений концентрировалась в руках смоленской шляхты. Примеры женского землевладения позволяют с осторожностью судить о том, что на Смоленщине оно сохранялось на условиях, отличающихся от российского поместного или вотчинного права. Незначительное число "изменников" в материалах переписей говорит о довольно спокойном вхождении шляхты в сообщество служилых людей Московского государства. По книгам видны как успешные попытки местной элиты войти в «московские чины», так и зарождающийся интерес московских служилых людей к дорогобужским землям. В число уездных землевладельцев также включались смоленские рейтары, дорогобужские казаки, пушкари, мещане и представители иных социальных групп. Показано постепенное восстановление монастырского землевладения на территории уезда. Всё это свидетельствует о сравнительно мягкой интеграции Дорогобужского уезда (и шире – Смоленского региона) в состав Московского государства.

Ключевые слова:

смоленская шляхта, Смоленск, Дорогобужский уезд, русско-польская война, переписные книги, землевладельцы, землевладение, смоленские рейтары, дорогобужские казаки, служилые люди

Введение

Освоение новых окраин Московского государства, инкорпорирование региональных элит в структуру российского общества — одно из активно развивающихся направлений в историографии. Однако в географическом измерении ситуация далеко не одинакова. Богатую историю изучения имеет объединение в рамках одного политического организма староосвоенных русских земель и судьба местных служилых сообществ [\[1; 2; 3\]](#). В поле зрения учёных давно находится освоение Среднего Поволжья, Башкирии и Сибири, которое включало в себя, с одной стороны, русскую колонизацию пустых территорий [\[4\]](#), с другой, — принятие мусульманской верхушки в состав общероссийской элиты [\[5; 6; 7\]](#). Несколько хуже обстоит дело с исследованием интеграции регионов, которые обладали устойчивым, значительным по численности населением и сложившимся общественным укладом (в частности, Прибалтики — в пространство Российской империи [\[8; 9\]](#)).

Территория Смоленщины на середину XVII в. определённо входила в число староосвоенных, а социальное устройство и экономическое состояние этого региона претерпели серьёзные изменения за без малого сорок лет пребывания в составе Речи Посполитой [\[10\]](#). Поэтому по возвращении Смоленской земли в состав Московского государства (де-юре по итогам русско-польской войны — в 1667 г., де-факто — в 1654 г.) перед правительством встал вопрос о путях интеграции новоприсоединённого

региона, которые определялись по меньшей мере степенью лояльности местных землевладельцев новым властям. Известно, что российская администрация в целом смогла наладить отношения со смоленской шляхтой, которая составила особую дворянскую корпорацию, её верхушка была включена в состав элиты государства, и шляхтичи сохранили особые нормы земельного права. Массовые выводы землевладельцев с территории Смоленщины не зафиксированы (за исключением роты панцирных бояр и смоленских казаков — будущего «смоленского шляхетства Уфимского уезда», а также гайдуков, переселённых в Холмогоры [\[11, с. 23\]](#)). Более того, государство не стремилось восстановить землевладение прежних «служилых городов» Смоленского региона, несмотря на наличие потомков смолян, белян, дорогобужан, служивших после Смуты в других уездах [\[12, с. 34\]](#).

В связи с этим возникают вопросы о конкретном состоянии землевладения на Смоленщине во время и после русско-польской войны 1654–1667 гг. Каким же был состав землевладельцев в первые годы русского подданства? Какую долю в нём составляла смоленская шляхта? Получали ли землю хотя бы некоторые московские служилые люди? — Ответы на них могли бы дополнить представления о политике Московского государства по отношению к служилым сообществам российских окраин.

Землевладение в Смоленском регионе второй половины XVII в. охарактеризовано в общих чертах Д. П. Шпиленко [\[11\]](#) и М.М. Богословским [\[13\]](#). Примерные количественные показатели его развития, определённые по итоговым данным массовых источников, предложил Я. Е. Водарский [\[14; 15\]](#). Что касается землевладельцев, в трудах того же Д. П. Шпиленко тщательно изучена генеалогия многих смоленских шляхетских родов [\[16; 17; 18\]](#). О. А. Курбатов исследует особенности службы воинских формирований Великого княжества Литовского, присягнувших московскому государю [\[19\]](#), а в новейшей работе совместно с П. И. Прудовским детально прослеживает судьбу каждого территориального служилого сообщества [\[20, с. 234–437\]](#).

Однако подробное, комплексное, с опорой на первичный материал рассмотрение состояния землевладения и положения землевладельцев на Смоленщине во второй половине XVII в. ещё предстоит осуществить. Первый шаг на пути к этому предприняла Ю. В. Степанова, подробно исследовав землевладение Бельского уезда [\[21; 22\]](#).

Из оставшихся трёх уездов Смоленского региона (Дорогобужский, Рославльский, Смоленский) оптимально выбрать первый из-за хорошей сохранности массовых источников по нему и удобства их сопоставления. Московское правительство, пытаясь оценить состояние населения и землевладения на Смоленщине, проводило переписи податных людей и земельных угодий, результатом которых стали т. н. переписные книги. Первая сохранившаяся книга по всему Дорогобужскому уезду (кроме дворцовых земель) относится к 1659 г. [\[23\]](#), вторая — к 1668 г. [\[24\]](#), третья — к 1678 г. [\[25\]](#). Для понимания общего характера землевладения в уезде в первые десятилетия русского подданства можно ограничиться анализом указанных переписных книг, тем более что материалы следующих переписей относятся уже к XVIII в. [\[26, с. 256–257\]](#).

Рассмотрение особенностей землевладения в Дорогобужском уезде необходимо начать с изучения основных изменений, которые претерпел состав землевладельцев за 1650–1670-е гг. Для достижения этой цели, во-первых, необходимо систематизировать данные переписных книг о землевладельцах, во-вторых, определить записанные в источниках землевладельческие группы и посчитать конкретные показатели, связанные с ними, за

рассматриваемый период.

Методология

В рамках структурного метода текст переписных книг представляется как целостный массив взаимосвязанных элементов. Выделив единицы описания и типы зафиксированных данных, можно перенести в базы данных полный объём сведений переписных книг. Структура трёх баз данных, соответственно, по трём источникам, основана на типологии самого информационно насыщенного из них — книги 1668 г.

Фиксируется следующая информация о землевладельцах: категория владельца, его фамилия, имя и при наличии — отчество, родственные связи с совладельцами и предыдущий владелец его имения. Принципы фиксации раскрываются ниже.

Составленные базы данных упрощают сравнение информации переписных книг 1659, 1668 и 1678 гг. В исследовании проводится типологизация данных о землевладельцах и объясняется, почему одни категории можно с определёнными оговорками объединить в группы более высокого порядка, а другие должны быть указаны отдельно. Базы данных помогают также автоматизировать подсчёт количества землевладельцев в целом и по различным социальным группам, определить динамику их численности, подойти к вопросу о причинах тех или иных изменений в структуре землевладения Дорогобужского уезда.

Перенос сведений о землевладельцах в базы данных

Зафиксированное в источниках многообразие категорий владельцев сохраняется при переносе в базы данных. Например, «поручик смоленской шляхты», «поручик рейтарского строя» и «поручик солдатского строя» передаются дословно, как в книге. Так подчёркивается принадлежность человека к смоленской шляхетской корпорации или к полкам «нового строя». Термины никак не могут быть унифицированы до «поручика», иначе стирается различие между локальными воинскими формированиями Дорогобужского уезда.

Особенности землевладения на Смоленщине и специфика интеграции местного населения в русское общество предполагали широкий набор статусов (или самоидентификаций?) землевладельцев, поэтому в столбце «Категория владельца» могут указываться московские, придворные чины, воинские чины (с указанием служилой корпорации или без него), духовные титулы, принадлежность к другим социальным группам. Там же отмечаются монастыри (сами по себе или через представительство «строителя» обители). Среди «текущих» землевладельцев допустимо записать и маргинальную категорию «изменников», поскольку их земля, брошенная или изъятая государством, на момент составления переписной книги ещё не была передана новому владельцу.

Все категории, кроме особо оговорённых случаев массового корпоративного землевладения (казаков или пушкарей), записываются в форме единственного числа. В случае, если землёй совместно владели два, три человека (редко пять), их статус отмечается также в единственном числе во избежание усложнения базы данных, но имена, естественно, фиксируются все.

Заполнение столбцов «Фамилия», «Имя» и «Отчество», в целом, подчиняется следующему принципу. При наличии одного владельца или нескольких «равноправных» («за смоленскими шляхтичами за Яковом Хлевицким да за Лаврентьем Богушевским» [\[24\]](#)

[л. 69об.1](#)) фамилии пишутся в единственном числе («Кременевский», «Хлевицкий Богушевский»). Если перед нами представитель княжеской фамилии, его родовой титул указывается перед фамилией («княгиня Соколинская»). Имена («Самуил», «Екатерина», «Яков Лаврентий») и отчества («Иванович») фиксируются по подобному принципу. Разделителем служит пробел, а порядок имён и отчеств соответствует порядку фамилий. Мы исходим из того, что чаще всего поиск осуществляется по одному слову или даже по части слова, и программа показывает все совпадения вне зависимости от их положения в отдельной ячейке и в базе данных в целом.

Под «неравноправным» совместным владением подразумевается ситуация, когда отмечается один главный владелец (у которого, как правило, указывается полный антропонимический набор) и явно подчинённые ему (пока недееспособные?) совладельцы: дети [\[24, л. 55об., 142, 177, 181об., 366\]](#) или младшие братья [\[24, л. 201об., 362об.\]](#). В таком случае в столбцах «Фамилия» и «Имя» фиксируются данные только первого землевладельца, а его родственники записываются в столбце «Родственные связи» (см. ниже).

Антропонимия владельцев уточняется по справочным материалам [\[27\]](#) и пишется в соответствии с современной орфографией: «Олександр» приводится к виду «Александр», «Пронка» приобретает форму «Прокофий», «Флорьян Пилетцкий» записывается как «Флориан» «Пилецкий». Большую помощь в унификации фамилий оказывает многотомный справочник, составленный Д. П. Шпиленко [\[16; 17; 18\]](#). Если нельзя однозначно перевести антропоним в современную форму, оригинальное написание сохраняется.

У архиепископа столбец «Фамилия» остаётся незаполненным, поскольку его мирская фамилия в рассматриваемых источниках не фигурирует. Если речь идёт о монастырях, в этот же столбец вносится сокращённое название обители — «Бизюков» вместо «Крестовоздвиженский Бизюков» или «Бизюков в честь Воздвижения Креста Господня мужской». Путаницы возникнуть не должно, поскольку названия монастырей в Дорогобужском уезде не были связаны с фамилиями людей.

Столбец «Родственные связи» объединяет информацию о владельческой антропонимии, не вошедшую в предыдущие столбцы: у вдов по форме «вдова <имя мужа в родительном падеже>», у «младших» — «с детьми/братьями <имена в творительном падеже>». Данный столбец носит вспомогательный характер и не адаптирован для специальных поисковых задач.

Наконец, для сведений, передаваемых книгой 1678 г., необходим столбец «Предыдущий владелец». Поскольку такая информация сообщается нерегулярно, имеет смысл обобщить все сведения (фамилию, имя, отчество, статус или родственную связь с текущим владельцем) в одном столбце.

Общее количество дорогобужских землевладельцев (по каждой переписи)

Переписная книга 1659 г. сообщает сведения о 46 владениях, из которых два находились в руках нескольких человек. Одно принадлежало братьям Семёну и Киприану Ковнацким (в источнике — Комлацкие [\[23, л. 716об.\]](#), правильное написание установлено по книге 1668 г. [\[24, л. 181об.\]](#) и опубликованному Д. П. Шпиленко списку смоленской шляхты 1694 г., в котором фигурировал Киприан [\[28, с. 156\]](#)). Совладельцами другого были Юрий и Амвросий Станкевичи [\[23, л. 718об.\]](#). По этой причине

землевладельцев в уезде насчитывалось 48.

По книге 1668 г. количество землевладений увеличилось до 150, а конкретных владельцев — до 167 минимум. По нашим подсчётам, к 150 «основным» владельцам необходимо прибавить 17 младших совладельцев, отмеченных в тексте поимённо: братьев, детей обоего пола и других. Почему число 167 примерное? — Ответ снова кроется в совместном владении, но теперь речь идёт о записях вроде «за смоленским шляхтичем Александром Васильевым сыном Азанчеева з братьями» [24, л. 201об.] или «за дарагабужскими пушкари за Петрушкою Артемьевым с товарищи» [24, л. 422об.], из которых невозможно установить точное число совладельцев. Непонятен также случай Александра Тютчева, который появляется в тексте 1668 г. дважды: один раз — в качестве смоленского шляхтича [24, л. 279], другой — без обозначения, но вместе с родственниками [24, л. 272]. Один это человек или два разных, из книги выяснить невозможно, а в переписях 1659 г. и 1678 г. Тютчевы не фигурируют. Предположим пока, что переписчики всё-таки отметили двух однофамильцев (может быть, даже родственников), и обозначили разницу в их статусе.

По переписи 1678 г. насчитано 135 владений, а владельцев — не меньше 142. Разница опять обусловлена примерами совместного равноправного владения, а приблизительность подсчёта — тем, что снова встречаются обобщённые записи о «безымянных» владельцах. Например, смоленская шляхтянка, вдова Софья Езбут записана «з детьми» [25, л. 306.]. Выясняется, что она имела трёх детей, Александра, Юрия и Елену [18, с. 246-249]. Александр отмечен в переписной книге особо: в его собственных руках находились три деревни. Правда, сведения о нём приводятся в одном абзаце с матерью. Поэтому представляется возможным объединить их локации в одно владение семьи Езбутов, но считать Софью и её старшего сына двумя «равноправными» владельцами (тем более, что ситуация повторяется в отношении Ульяны Шиманской и её сына Мартина [25, л. 16]). Итак, под «детьми» Софьи подразумеваются Юрий и Елена. В отношении Юрия известно, что он подавал сказку о службе государю с момента сдачи Смоленска [18, с. 248]. Дальнейшее сопоставление примера Езбутов с подобными случаями и данными других источников может скорректировать наши представления о фиксации именно малолетних отпрысков под термином «с детьми».

В итоге, как показывают данные переписных книг, число владений и землевладельцев с 1659 г. по 1668 г. выросло более, чем в 3 раза. Объяснение стоит искать в разном территориальном покрытии источников: первая книга в целом охватывает меньшую территорию, чем вторая, и значительная часть уездной земли попросту не попала в описание (на текущем материале нельзя утверждать, что «недостающие» участки не были охвачены другой переписью). Не исключена и вероятность дробления крупных владений за прошедшее между переписями время. Эти гипотезы заслуживают отдельной разработки: необходимо сравнивать землевладения на уровне отдельных локаций (поселений, пустошей и т. д.).

Разница между цифрами по 1668 г. (150 владений) и 1678 г. (135 владений), по нашему мнению, не является существенной и легко объясняется объединением мелких групп локаций в руках крупных землевладельцев. Думается, этот процесс не говорит об изменении тенденции с точностью наоборот по отношению к предшествующим годам, а показывает стабилизацию землевладения в регионе.

Состав землевладельцев Дорогобужского уезда

По переписной книге 1659 г.

Среди 48 владельцев в 1659 г. находился один Бизюков монастырь, а 47 представляли светское землевладение. Из текста не вполне ясна их принадлежность к конкретной корпорации и чин в служебной иерархии. Можно выделить группу «изменников» (3 человека), т. е. тех, кто нарушил присягу русскому царю. Их владения были зафиксированы, но не переведены в состав дворцовых земель. Предположительно, государство временно удерживало их за собой, чтобы передать в будущем в руки верных служилых людей. В этом можно усмотреть попытку правительства создать фонд свободных земель и распоряжаться ими аналогично «порожним землям» в центральной России.

Из 44 оставшихся владельцев отметим пять женщин. У трёх из них в книге указано вдовствующее положение (Арина Кременевская, Анна Озерецкая, Ульяна Телкова). Четвёртая, Устинья Яцминская (?), отмечена как «жена Яна», а Устинья Стелкова записана вовсе без семейного положения. Про Телкову и Яцминскую прямо сказано, что в их руках находятся маенности, а Кременевская, Озерецкая и Стелкова записаны в той части книги, где за мужчинами числились маенности. Осторожно предположим, что все эти женщины полноправно, независимо от мужчин, владели землёй. Их запись в «поместном» разделе книги могла подразумевать только оставление за вдовой части имения «в прожиток», но подобных записей в книге нет. Напротив, из литературы известно, что сложившаяся в польский период практика почти полного частного землевладения, позволявшая женщинам владеть поселениями и пустошами, сохранилась после присоединения Смоленщины к Московскому государству [\[29\]](#).

Впрочем, разделение книги на «поместную» и «маенностную» части очень условно. Возможно, первые переписчики хотели перенести на смоленскую почву общерусские правила организации материала писцовых книг [\[30, с. 292\]](#). В условиях, когда смоленская шляхта не хотела различать польские маенности и жалованные за переход на русскую службу поместья [\[13, с. 37-39\]](#), соблюсти данные правила было весьма затруднительно. Перепись фиксирует 6 поместий, 18 маенностей, причём за Александром Петровичем Салтыковым записаны одновременно маенность и поместье (определим их как одно владение). Остальные 22 владения не имеют никакого статуса, но очень вероятно, что хозяева всех имений распоряжались своей землёй как маенностями.

44 светских землевладельца в 1659 г. не отмечены никакими социальными категориями. При опоре на справочные данные и материалы переписной книги 1668 г. выясняется, что 39 человек (непосредственно они или их ближайшие родственники) относились к корпорации смоленской шляхты. У четверых статус не был указан и во второй переписи (Андрей Яковлевич Храповицкий, Степан Иванович Салтыков, Александр Петрович Салтыков, Иван Васильевич Обруцкий — сын Василия Семёновича из книги 1659 г.).

Возможно, категории этих землевладельцев не были зафиксированы по небрежности переписчиков или самих людей, подавших сказки с недостающей информацией. Но можно попытаться найти объединяющий их фактор. База данных по книге 1659 г. показывает, что в их руках находились крупные владения: у Храповицкого — 17 деревень, 4 починка, 1 сельцо, 2 пустоши, у Степана Салтыкова — 3 села, 5 деревень, 2 пустоши, у Александра Салтыкова — 33 деревни, 10 починков, 2 сельца, 1 слободка, 15 пустошей, у Обруцкого — 1 село, 13 деревень, 2 починка, 1 сельцо, 19 пустошей.

Вероятно, некоторые крупные землевладельцы стали служить не в рамках территориальной смоленской корпорации, а «по московскому списку». Пример

Салтыковых служит тому подтверждением: Степан Иванович в будущем станет стольником, воеводой Великого Устюга и Азова, боярином, главой Судного приказа [31]. Его двоюродный брат достигнет ещё больших высот: будет стольником, киевским воеводой, потом боярином и тестем царя Ивана Алексеевича. Именно дорогобужский землевладелец Александр Петрович Салтыков был отцом будущей царицы Прасковьи Фёдоровны. Имя Фёдор он получил не перед царской свадьбой, а при крещении [32, с. 72], которое состоялось в младенчестве, — у представителей семейства, основавшего ещё в польский период православный Бизюков монастырь, трудно предполагать иное (имя Александр до поры до времени было его публичным именем). В стремительном возвышении внуков Михаила Глебовича Салтыкова, одного из главных тушинцев, перешедшего на службу Сигизмунду III, должно быть, сыграла роль не только быстрая присяга царю Алексею Михайловичу (о чём свидетельствует крестоприводная книга 1654 г.: Салтыковы указаны первыми в списке шляхтичей, вышедших из Смоленска и присягнувших царю [33, с. 6]), но и родство с московской ветвью Салтыковых, сохранявшей во второй половине XVII в. высокие позиции в Государевом дворе.

Обобщим полученные данные на диаграмме 1.

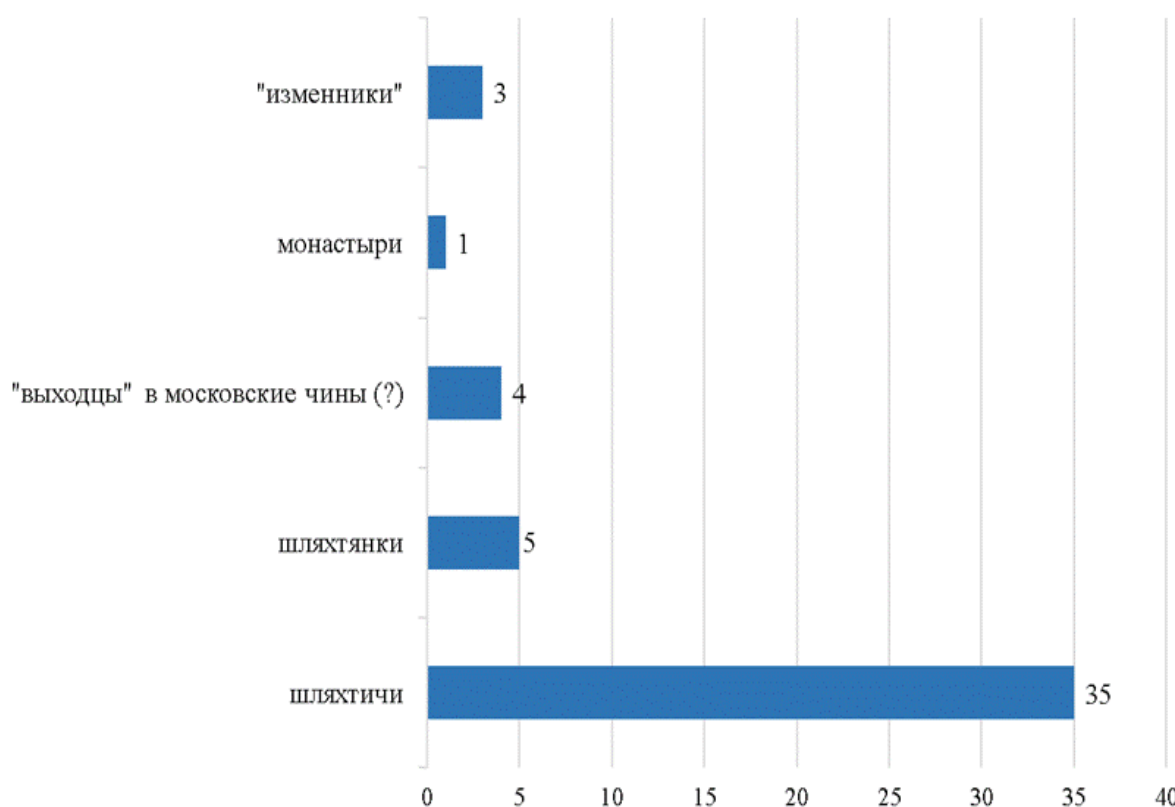

Диаграмма 1. Категории землевладельцев Дорогобужского уезда по переписной книге 1659 г.

По переписной книге 1668 г.

При конкретных расчётах по материалам данной книги используется точное число 167. Подобное «округление» не должно повлиять на результаты работы с категориями владельцев: не названные по именам совладельцы по своему статусу ничем не отличаются от «главного» владельца того же имения. Итак, 167 владельцев можно разделить на 4 духовных и 163 светских.

Духовные землевладельцы

В отличие от предыдущей переписи, описывалось податное население и хозяйственные угодья трёх монастырей, а также архиепископа смоленского и дорогобужского Филарета [24, л. 11-110б.]. У архиерея в руках находились всего две локации: сельцо и церковная земля с 6 крестьянскими дворами в Дорогобужском уезде. Между тем в переписи отмечено, что архиепископ владел землёй и в Смоленском уезде. Вероятно, там его владения были значительно больше. К тому же, скромные размеры архиерейской вотчины (как и само появление архиепископа только в записях за 1668 г.) могут объясняться долгим и сложным процессом восстановления землевладения Русской православной церкви на Смоленщине. Когда данная территория была подвластна Речи Посполитой, владения православного духовенства и монастырей передавались униатам или католикам [34]. На то, чтобы польское духовенство покинуло занятую землю, новая власть приняла её в «резервный» земельный фонд и пожаловало православному иерарху, должно было уйти немало времени. Мало того, церковь должна была убедить московскую администрацию, что именно представитель духовной власти, а не очередной служилый человек должен получить эту землю.

С монастырским землевладением в Дорогобужском уезде ситуация несколько яснее. Появление в описании двух «новых» монастырей, Троицкого Болдина и Рождественского Богородицкого Сергиева Свирколуцкого [35, с. 462, 464], обусловлено отнюдь не их недавним основанием (они существовали ещё с XVI в.). До Смутного времени обитель прп. Герасима Болдинского являлась одним из крупнейших монастырей-землевладельцев Московского государства [36, с. 13]. Однако в 1611–1656 гг. монастырь принадлежал иезуитам [34, р. 335; 36, с. 17]. Естественно, что русская администрация конфисковала все земли этого ордена на Смоленщине, но для передачи монастыря — зданий и угодий — православному духовенству тоже требовалось время.

Что касается Свирколуцкого монастыря, отсутствие его фиксации в 1659 г. объясняется проще. В исследованиях встречается указание на приписку Свирколуцкой обители со всеми поселениями к Бизюкову монастырю в 1655 г. по царскому указу [37, с. 47]. Это отчасти подтверждается на материале переписных книг: в 1659 г. записи о Свирколуцком монастыре нет. Однако 6 соседствующих друг с другом локаций Бизюкова монастыря (по данным на 1659 г. [23, л. 609-612]) в следующей переписи находятся уже в руках Свирколуцкого [24, л. 33, 34-35об.]. Может быть, в 1668 г. вторая обитель продолжала быть в подчинении первой, но переписчики, имея целью досконально описать все земельные владения в уезде, учитывали отдельно главные и второстепенные монастыри.

Действительно, Бизюков монастырь мог претендовать на то, чтобы занять главенствующую позицию среди обителей Дорогобужского уезда, если не всей Смоленщины. Дело в том, что он был основан семьёй Салтыковых ещё в польский период на земле, находившейся в их полной собственности. Если бы семейство владело землёй по ленному праву, православный монастырь в Смоленском воеводстве не мог даже появиться [34, pp. 341-342]. Помимо этого, один из членов семьи, Фёдор Михайлович Салтыков, сын боярина-перебежчика, принял постриг в этой обители и завещал ей часть родовых владений. Данные обстоятельства могли обусловить высокий статус Бизюкова монастыря ещё в 1640-х – начале 1650-х гг.

По возвращении Дорогобужского уезда в состав России и упрочении позиций смоленских Салтыковых достаточно логичным выглядит устойчивое развитие Бизюкова монастыря, в том числе как землевладельца. С 39 локаций в 1659 г. [23, л. 594-612] его

владения увеличиваются до 68 [\[24, л. 110б.-300б.\]](#) (плюс 6 локаций, перешедших к Свирколуцкому монастырю). Сведения по книге 1678 г. будут рассмотрены ниже. Во всяком случае, к середине XVIII в. монастырь являлся самым большим по числу крестьян во всей Смоленской губернии [\[37, с. 50\]](#).

Таким образом, переписная книга 1668 г. отображает постепенный процесс восстановления церковного землевладения в Дорогобужском уезде.

Светские землевладельцы

Далее выделим категории светских землевладельцев, отмеченных в том же источнике. Снова в наличии группа бывших владений, «что было за» шестью людьми. Четверо из них прямо называются изменниками: Степан Жирковский, Пётр Каменский [\[24, л. 129, 250\]](#) (предположительно, родственник Прокофия Каменского, изменника по данным 1659 г. [\[23, л. 689\]](#)), смоленский шляхтич Иван Менк, Иван Омек [\[24, л. 73, 3320б.\]](#). Двое остальных изменниками в глазах переписчиков не являлись. Во-первых, в книге нет соответствующего указания. Во-вторых, их имена записаны полностью («за Фёдором Пацом», «за Иваном Тяпниным» [\[24, л. 4140б., 1720б.\]](#)), в отличие от четырёх предыдущих («Стенька», «Петрушка», «Ивашка»). Если судьба Фёдора Паца, исходя из текста переписной книги, остаётся неизвестной (но из литературы становится ясно, что он тоже принадлежал к смоленской шляхте [\[20, с. 286\]](#)), то про поручика рейтарского строя Тяпнина в самой переписной книге указано, что он состоял в полку «нового строя» (смоленские рейтары в книге отмечены особо). Сообщено также, что в тот момент он проживал «на Москве», но его дорогобужское поместье «никому не отдано» [\[24, л. 173\]](#).

В 1668 г. насчитывалось уже 13 землевладеиц. Все они поголовно зафиксированы как вдовы. 10 записаны в самой книге как смоленские шляхтянки, одна — как вдова ротмистра (какой служилой корпорации — из источника неясно). У двух женщин, зафиксированных без статуса, он восстанавливается следующим образом. Лукерья Стыбалковская (по переписи — Стиболковская) [\[24, л. 142\]](#) прибавляется к числу смоленских шляхтянок за счёт привлечения других источников [\[16, с. 207-208\]](#), а Пелагея Блинова [\[24, л. 366\]](#) — к числу вдов смоленских рейтаров, по косвенным сведениям самой переписной книги: отмеченные в ней смоленские рейтары Клим и Кондратий Блиновы [\[24, л. 404, 4040б.\]](#), вероятно, были родственниками её покойного супруга.

Вместе с матерями совладельцами числятся дети обоего пола, 4 сына и 2 дочери. Уточним, что это количество меньше всех указанных в переписной книге шляхетских детей. На примере Евгении (в православии Ульяны) [\[18, с. 656-658\]](#) и Мартина Шиманских видно, что взрослый сын, уже самостоятельно служащий, мог быть записан совершенно отдельно от матери, и их родство никак не обозначалось [\[24, л. 3250б., 3460б.\]](#).

Из 13 женщин по переписи 1668 г. ни одна не фигурирует в предыдущей книге. На наш взгляд, это лишний раз подтверждает очень терпимое отношение Московского государства к местным порядкам. Если женское землевладение в 1659 г. ещё можно объяснить как рудимент польской системы землевладения, который во время войны не успели до конца устранить, то через 9 лет, после юридического перехода Смоленщины под новую власть, земельные владения в руках других вдов могли означать только молчаливое согласие российской администрации с локальными особенностями землевладения.

Что касается мужчин-землевладельцев, количество их категорий по сравнению с 1659 г. существенно возрастает. Первое место по численности занимает группа смоленских шляхтичей из примерно 86 человек (вместе с детьми их было 89). Абсолютное большинство записано как обычная шляхта. Безусловно, смоленская шляхта делилась по «статьям» в зависимости от состояния [\[11, с. 27\]](#), но в переписных книгах эта информация не фиксируется и не является предметом рассмотрения в настоящей работе. В книге присутствуют также шляхетские командиры: два ротмистра и поручик.

Выше было сказано о непонятной корпоративной принадлежности нескольких Тютчевых. Если Александр, Яким и Лука [\[24, л. 272\]](#) всё-таки являлись шляхтичами, то численность смоленской шляхты за 1668 г. увеличивается до 88 (с учётом того, что Александр из этой тройки — это ранее упомянутый отдельно Александр Тютчев). Кроме трёх Тютчевых, неопределённость в количество смоленских шляхтичей вносят и другие 11 лиц, не имеющих по тексту статуса. Среди них есть пара, очевидно, родственников тех людей, которых точно отнесли к шляхтичам: Филимон (Филон) Васильевич Азанчеев и смоленский шляхтич Александр Васильевич Азанчеев [\[24, л. 169, 201об.\]](#); Семён Вистицкий и смоленский шляхтич Иван Вистицкий [\[24, л. 346об., 345об.\]](#). Примечательно, что в справочнике по смоленской шляхте Иван фигурирует [\[16, с. 30–31\]](#), а Семён нет.

Без обозначения категории записаны те же люди, которые «не имели» статуса в 1659 г.: Салтыков Александр Петрович с братом Самуилом, их три двоюродных брата (Степан, Юрий и Христофор Ивановичи), Храповицкий Андрей Яковлевич, и помимо них — сын Василия Обруцкого Иван, Даниил Иванович Пассек и Помаскин Иван Михайлович [\[24, л. 400об., 203об., 49об., 151, 356, 68\]](#). Возможно, здесь, как и в 1659 г., имела место попытка зафиксировать верхушку дорогобужских землевладельцев, получившую или стремившуюся получить «московские чины». К тому же, из собственно «московских чинов» в переписи 1668 г. отмечен только один жилец Ильё Дуров [\[24, л. 377об.\]](#), который, как мы увидим по данным 1678 г., был московским служилым человеком (полуголовой московских стрельцов [\[25, л. 116\]](#)). Его присутствие в книге, равно как и придворного («путного ключника») [\[24, л. 122об.\]](#), важно для подкрепления сведений историографии о постепенном проникновении людей, не являющихся смоленскими шляхтичами, в ряды землевладельцев Смоленского региона.

Возвращаясь к вопросу размытости границ землевладельческих групп, укажем на ещё один подобный пример. Если буквально следовать тексту книги, то разделяются категории рейтаров и смоленских рейтаров: 7 и 11 человек, соответственно. На первый взгляд, очевидно различие воинских формирований «нового строя», но, насколько их в действительности различали переписчики, станет понятнее при анализе книги 1678 г. Похожие затруднения вызывает запись о поручике Александре Василевском [\[24, л. 131об.\]](#). Был ли он поручиком смоленской шляхты, солдат или рейтаров, на материале переписных книг установить невозможно.

Упоминание недоросля Никиты Петровича Арсеньева [\[24, л. 390об.\]](#) вкупе с установленным фактом, что московские служилые люди Арсеньевы записывались в полк смоленской шляхты [\[11, с. 28\]](#), заставляет задаться вопросом, практиковалось ли в среде смоленской шляхты подобное именование ещё не служащих сыновей или Никита был записан ещё как «московский» недоросль и, значит, землёй владел не вполне легально.

Среди служилых людей встречаются также поручик «грунтовых казаков», сотник

«рыдлевских казаков» и ротмистр дорогобужских казаков [\[24, л. 421, 131, 331об.\]](#). Как отмечает О. А. Курбатов, грунтовые казаки были потомками литовских казаков, имевших «грунты» (земельные наделы) на Смоленщине. Сотня рыдлевских казаков образовалась из «мстиславских сидельцев черкас» (украинских казаков, участвовавших в мятеже Нечая, но сдавших Мстиславль царским войскам и вернувшихся на государеву службу) [\[20, с. 274\]](#). Дорогобужские казаки представляли собой воинское подразделение, устроенное «по литовскому образцу» [\[20, с. 285–286\]](#).

Помимо имений казачьих командиров, существовало коллективное землевладение простых «грунтовых казаков» [\[24, л. 417–420\]](#), причём на весьма своеобразных условиях. Местное казачество по данным книг выглядит как промежуточная категория между привилегированными и податными слоями населения. С одной стороны, казаки перечислены в качестве жителей отдельных дворов подобно крестьянам и бобылям. С другой стороны, в источниках указаны только главы казачьих семейств, а их пахотные наделы существенно больше крестьянских. К примеру, в 1659 г. на 66 казаков приходилось 1345,5 десятин пашни, или около 20,4 десятин на человека, в то время как исследователи определяют максимальное среднее количество пашни на крестьянский двор равным 15 десятинам [\[15, с. 86–87\]](#). В 1668 г. статус грунтовых казаков подчёркнут ещё сильнее: в перечне владельцев дважды повторяется фраза «казачьи земли» [\[24, л. 10об.\]](#), и 51 казак выступает как коллективный владелец 1189,5 десятин земли (по 23,3 десятины на человека), однако они самостоятельно пахали землю. Таким образом, по переписным книгам грунтовые казаки частично сохранили за собой прежние наделы [\[20, с. 285\]](#).

Коллективное землевладение представлено в уезде также дорогобужскими посадскими людьми и дорогобужскими пушкарями [\[24, л. 421об., 422об.–423\]](#), но встречаются индивидуальные владения городских жителей: «дорогобужского посадского человека» Ивана Смирин, «смолянина» Тимофея Фролова и «смоленского мещанина» Семёна Жукова [\[24, л. 422, 317об., 46\]](#), аналогично казачьим землям попадающие под определение остатков польской системы землевладения.

Особо фиксируется землевладение Александра Буловецкого, по всей видимости, приказчика в имении Александра и Самуила Салтыковых (он обозначен как их «человек» [\[24, л. 189\]](#)). Возможно, здесь также отразилась польская практика, когда разорившийся шляхтич поступал на службу к обеспеченному дворянину и существовал за его счёт.

Наконец, выделяется земля, записанная отдельно за Тихоном, священником церкви пророка Илии [\[24, л. 117об–118об.\]](#). Из его сказки видно, что речь идёт о церковной земле в селе Василёве, которая пишется как самостоятельное владение. Священник указан в перечне землевладельцев в начале книги [\[24, л. 2об.\]](#), причём он владел не только пахотной землёй, но и «церквищем», сенокосами, пустошью и бобыльскими дворами.

Обобщим обозначенные в переписной книге 1668 г. группы землевладельцев на диаграмме 2.

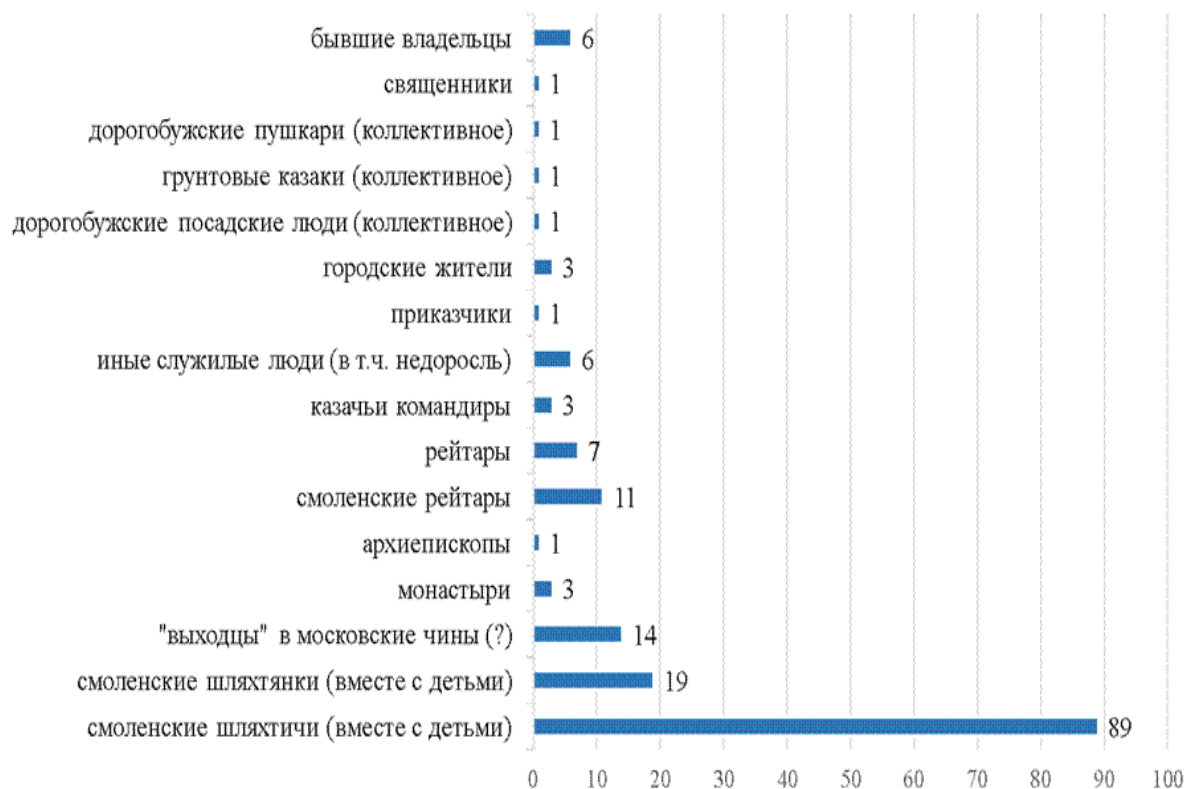

Диаграмма 2. Категории землевладельцев Дорогобужского уезда по переписной книге 1668 г.

По переписной книге 1678 г.

Монастырское землевладение

По переписи 1678 г. в уезде насчитывалось 142 землевладельца. Среди них, как и в 1668 г., выделялись 3 монастыря: Бизюков, Болдин и Свирколуцкий, но первые две обители были отмечены иначе, чем в предыдущей книге. У Бизюкова монастыря написан его «строитель... Сергей Салтыков» [25, л. 43], у Болдина — его «строитель... Феодосий з братьею» [25, л. 109об.1]. Термин «строитель» мог обозначать как «настоятеля небольшого монастыря», так и «монаха, заведующего монастырскими вотчинами и подворьями» [38, с. 176]. Первое значение могло соответствовать положению Феодосия — Болдин монастырь не был крупной обителью (6 деревень, одна слободка и часть одного села [25, л. 109об.-111]). В случае Сергея (Салтыкова) видится правдоподобным второе значение: он вполне мог отвечать за монастырские земельные владения, расположенные в его бывшем имении. Что касается Свирколуцкого монастыря, перепись 1678 г. будто бы подтверждает его подчинённость Бизюкову монастырю. Во-первых, их локации записаны сразу друг за другом. Во-вторых, у первой обители «строитель» или какой бы то ни был начальствующий монах не отмечен. В-третьих, размер её владения — 10 деревень (в три с небольшим раза меньше, чем у Бизюкова монастыря). Можно судить о том, что к 1678 г. монастырское землевладение стабилизировалось и сложилась условная иерархия обителей Дорогобужского уезда.

Земли архиепископа в 1678 г. не были зафиксированы. Скорее всего, его две небольшие локации из книги 1668 г. были утрачены в запутанных процессах становления церковного и светского землевладения на Смоленщине после её перехода в состав Московского государства.

Нестабильно фиксируемые группы землевладельцев

Эти сложные процессы отразились на такой категории, как «бывшие владельцы». В 1678 г. таких людей было всего двое, и в переписной книге они не были отмечены в качестве изменников: рейтар Фёдор Пешаходов и рейтар Кондратий Блинов [25, л. 112об., 113об.]. В обоих случаях была утрачена одна локация, соответствующая части деревни, находящейся в совместном владении, причём у Блинова в руках осталась другая часть той же деревни. Примеры этих рейтаров показательны и в плане неустойчивого порядка фиксации владельцев в переписных книгах. Фёдор Пешаходов в 1668 г. был записан как Фёдор Богданов. Подтверждением служит единственная жилая локация — деревня Игнатьева — которая находилась в его руках в том и другом году, а также персональный состав населения этой деревни. Например, в 1668 г. в деревне проживал бобыль Фрол Семёнов с сыном Федотом [24, л. 363], а в 1678 г. — уже крестьянин Федот Фролов [25, л. 112об.]. Двойного совпадения быть не может. Получается, в одной книге землевладелец фигурирует под именем и кратким отчеством, а в другой — под именем и фамилией.

Нестабильная запись владельцев выражается ещё и в том, что Пешаходов и Блинов записаны в 1668 г. как смоленские рейтары, а в 1678 г. как рейтары. Случайность ли это? — Проверим на примере других рейтаров и смоленских рейтаров, отмеченных в обеих переписях. В таблице 1 жирным шрифтом выделены имена служилых людей, записанных в 1668 г. и 1678 г. одинаковым образом, а курсивом — записанных в двух книгах по-разному. В невыделенных ячейках представлены служилые люди, отмеченные только в переписи 1678 г.

Смоленские рейтары	Рейтары
Павел Александров	Тимофей Татаринов
Юрий Богданов	<i>Клим Блинов</i>
Фёдор Крылов	<i>Кондратий Блинов</i>
Анчифор Марков	Семён Нелидов
<i>Макар Логачов</i>	Григорий Алтухов
Семён Калинин	<i>Степан Хруцкий</i>
Дмитрий Евфимов	Григорий Руднев
Андрей Васятин	Ларион Дедюлин
Леонтий Чашников	<i>Прохор Тушнев</i>
Агапий Щетинин (Щенин?)	<i>Игнатий Ченцов (Чернцов?)</i>
	<i>Пётр Чарыков</i>
	<i>(бывший владелец)</i> Фёдор Пешаходов
«рейтар же» Яков Нечаев (?)	

Таблица 1. Рейтары и смоленские рейтары по переписной книге 1678 г.

По трое человек в каждом столбце сохранили в точности свой статус. Яков Нечаев занимает промежуточное положение, поскольку в книге 1668 г. он записан как смоленский рейтар [24, л. 316об.], а в 1678 г. как «рейтар же» [25, л. 21об.], но вслед за строками о «смоленском рейтаре» Леонтии Чашникове (частица «же», как представляется, должна показывать равенство статусов Нечаева и Чашникова).

Семеро рейтаров из книги 1678 г. 10 лет назад были отмечены как смоленские рейтары, в то время как обратный случай всего один. Это не может не наводить на мысль, что переписчики в 1678 г. попросту сокращали статус «смоленский рейтар» до «рейтара»

для ускорения записи. Необходимо в дальнейшем, на материале иных источников, проверять наличие разных рейтарских полков на Смоленщине и возможность перехода служивших в них людей в другие воинские формирования. Пока же в объяснении разницы статусов одних и тех же людей мы опираемся на предположение о не вполне систематичном составлении переписных книг.

Землевладение смоленских шляхтичей и шляхтянок

Основная доля землевладельцев, как и в предыдущих переписных книгах, в 1678 г. приходится на смоленских шляхтичей. Такой статус однозначно имели 76 человек, среди них был один поручик и два ротмистра. К ним необходимо прибавить тех, кто буквально как шляхтичи не отмечены, но, без всяких сомнений, ими являлись. Это князья Иван и Михаил Соколинские (Друцкие-Соколинские) [\[25, л. 290б.\]](#), записанные в 1668 г. как дети княгини Екатерины, смоленской шляхтянки [\[24, л. 550б.\]](#). Это полковник Казимир Воронец [\[25, л. 630б.\]](#), 10 лет назад имевший чин ротмистра смоленской шляхты [\[24, л. 3830б.\]](#) и, безусловно, продолживший движение по карьерной лестнице в родном территориальном полку. Это ротмистр Даниил Пассек [\[25, л. 111\]](#). В 1668 г. его записали без статуса [\[24, л. 356\]](#), но он как представитель одного из виднейших шляхетских родов, вероятно, нёс службу также в корпорации смоленской шляхты. Итого 80 мужчин-шляхтичей.

Шляхтянок было на порядок меньше (четыре). Софью Езбут записали «з детьми» [\[25, л. 30б.\]](#), а Ульяну Шиманскую и её взрослого сына — отдельно [\[25, л. 16\]](#). Обе женщины продолжали удерживать в своих руках земли с 1668 г. [\[24, л. 620б., 3250б.\]](#). Ещё показательнее пример Елены Храповицкой и Авдотьи Дукшты [\[25, л. 10, 108\]](#). Их мужья были землевладельцами в 1668 г. [\[24, л. 49, 3550б.\]](#) Получается, что после их смерти, произошедшей уже после Андрусовского перемирия — когда, казалось бы, русское правительство должно было жёстко насаждать московские порядки — продолжало действовать полное право вдов на их маетности, что в очередной раз подтверждает мягкую интеграцию землевладельцев Смоленского региона в российскую элиту.

В подкрепление этой мысли проанализируем, в чьих руках в 1678 г. находились владения, принадлежавшие женщинам (кроме Езбут и Шиманской) в 1668 г. У 6 из 11 земля ушла из фамилии. От 2 шляхтянок, Прасковьи Зубрицкой и Екатерины Соколинской [\[24, л. 1770б., 550б.\]](#), землевладения перешли к сыновьям, указанным ещё в переписи 1668 г. как совладельцы (Фёдор и Михаил с Иваном, соответственно [\[25, л. 390б., 290б.\]](#)). От вдовствующей Марии Шипневской [\[24, л. 109\]](#) все локации унаследовал её внук Богуслав [\[25, л. 990б.\]](#), равно как и от своей матери Варвары [\[24, л. 1090б.\]](#). Их родство установлено по справочным данным [\[16, с. 226–228\]](#). Благодаря информации, собранной Д. П. Шпиленко, удаётся установить и родственную связь между смоленской шляхтянкой Лукерьей Стыбалковской [\[24, л. 142\]](#) и головой смоленских стрельцов Афанасием Мицким [\[25, л. 380б.–390б.\]](#). Он оказался мужем её дочери от первого брака [\[17, с. 364\]](#), видимо, поэтому и наследовал земли своей тёщи, двух её дочерей и сына от второго брака. Через это родство, в том числе, Мицкие влились в ряды смоленской шляхты, не будучи прямыми потомками защитников Смоленска, присягнувших русскому царю [\[17, с. 362\]](#). Таким образом, по меньшей мере у половины женщин-землевладеллиц с 1668 г. по 1678 г. имения унаследовали их родственники. Если бы у шляхтянок был вдовий «прожиток», по поместному праву после их смерти он должен был уйти в фонд земель для новых поместных раздач.

Наконец, в книге 1678 г. указано одно небольшое владение, «что было Станислава Прушинского, а ныне за внукою ево за девкою за Аленою Колечицкого» [25, л. 56об.-57]. Фамилия девушки говорит о том, что она была внучкой Прушинского через его дочь, а не сына. Следовательно, она уже принадлежала к роду Колечицких и могла владеть дедовой землёй только на правах маентности. Это является очередным доказательством того, что смоленская шляхта продолжала рассматривать свои владения как полную собственность на землю [13, с. 37], и поэтому дед спокойно мог подарить, завещать своей внучке землю (или, что иногда случалось, продать, даже несмотря на близкое родство).

Другие землевладельческие группы

Как и в текстах предыдущих переписей, в книге 1678 г. часть людей была записана без какого-либо статуса. Среди десятерых таких человек снова встречаются Филимон Азанчеев, Иван Обруцкий, Александр, Степан и Юрий (Егорий) Салтыковы. К ним прибавляются Иван Пекин (скорее всего, родственник Андрея Пекина из переписи 1668 г.), Никита Арсеньев, Иван Елисеевич Цыклеров (Циклер) [25, л. 81об.-82], «сын полковника из "кормовых иноземцев"», имевший чин стряпчего [39], Петр Обруцкий [25, л. 33об.], Иван Фёдорович Нелидов [25, л. 104]. Сохранение нескольких крупных землевладельцев Дорогобужского уезда на протяжении трёх переписей в рядах «бесстатусных» и наличие людей, явно служивших «по Москве» (Пекин, Цыклеров), может говорить об их стремлении к «московским чинам». Это подтверждает пример Ивана Помаскина, в 1668 г. «не имевшего» статуса [24, л. 68], а в 1678 г. записанного стольником [25, л. 4]. Московские служилые люди включали в себя полуголову московских стрельцов Илью Дурова [25, л. 116], фигурировавшего 10 лет назад в качестве жильца [24, л. 377об.].

С некоторой натяжкой к «московским» служилым людям можно отнести «иноземца» Павла Неколетова [25, л. 38] — представляется, что на службу в Смоленск или Дорогобуж его отправляли всё-таки из Москвы. Также из Москвы в Смоленск был направлен уже упомянутый Афанасий Мицкой, ставший головой смоленских стрельцов. Очевидно, что эти воинские формирования на Смоленщине — нововведение российского периода, которое некоторое время существовало параллельно с прежними воинскими формированиями. На это может указывать факт записи девяти сотников [25, л. 106., 26об., 27, 27об., 61, 104об., 113]. В предыдущей книге подобный чин носил командир рыдлевских казаков. За отсутствием опровергающих данных допустим, что 8 сотников 1678 г. тоже были казачьими командирами (кроме Якова Стасова, записанного в 1668 г. поручиком солдатского строя [24, л. 116] и спустя 10 лет наверняка остававшимся в том же воинском подразделении).

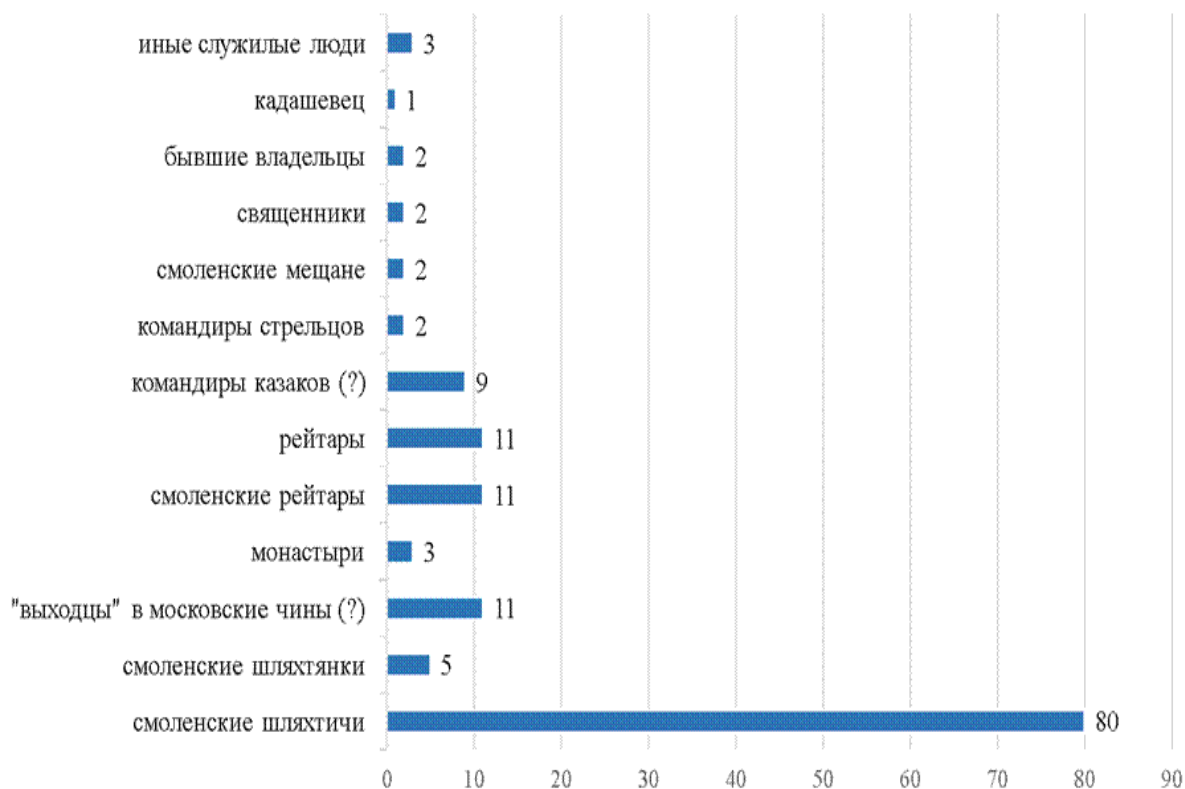
Скорее всего, близким родственником казачьего ротмистра Фёдора Щочки был «кадашевец» Степан Щочка [25, л. 68об.]. Доподлинно известно, что дорогобужского бурмистра Фому Лазарева пожаловали в кадашевцы за сдачу города, а его потомки стали родом Щочкиных [11, с. 28] — Фёдор Щочка приходился Фоме сыном [20, с. 286].

По данным книги 1678 г. два смоленских мещанина имели земельные владения в Дорогобужском уезде: Тимофей Фролов [25, л. 21об.], сохранивший свою землю с 1668 г. [24, л. 317об.], и Артемон Жуков [25, л. 27об.] (по всей видимости, родственник Семёна Жукова из предыдущей переписи [24, л. 46]). Действительно, смоленские мещане

сохранили исключительное право владеть уездной землёй.

Наконец, продолжил быть землевладельцем Тихон, священник храма во имя пророка Илии, расположенного в селе Василёве [\[25, л. 62\]](#), и к нему добавился Илья, протопоп дорогобужской соборной церкви [\[25, л. 61-61об\]](#).

Таким образом, по переписной книге 1678 г. также наблюдается многообразие категорий землевладельцев Дорогобужского уезда (диаграмма 3).

Диаграмма 3. Категории землевладельцев Дорогобужского уезда по переписной книге 1678 г.

Заключение

Как видно из представленных данных, в сравнительно небольшом Дорогобужском уезде было довольно много землевладельцев: в 1659, 1668 и 1678 гг. насчитывалось по 48, 166 и 142, соответственно. Значительная разница показателей первой и второй переписи объясняется главным образом неполным территориальным покрытием переписной книги 1659 г.

Абсолютное большинство землевладельцев Дорогобужского уезда составляли смоленские шляхтичи. Мужчины, однозначно принадлежавшие к смоленской шляхетской корпорации, представляли собой 73%, 54% и 57% владельцев по данным трёх переписей. Вкупе со шляхтянками и детьми доля благородных землевладельцев выросла до 83%, 65% и 60%. Как видится, это свидетельствует о том, что местное население в основном проявило лояльность к российским властям, а администрация, желая поддержать подобные настроения и во время войны обратиться на свою сторону как можно больше шляхтичей Великого княжества Литовского, утверждала маетности почти за всеми прежними владельцами. Правительство иногда закрывало глаза на попытки причислить к смоленской шляхте тех, кто в осаждённом Смоленске не сидел и Алексею Михайловичу в 1654 г. не присягал, а иногда попросту не могло разобраться в

хитросплетениях родственных связей и в группах однофамильцев [\[11, с. 26\]](#).

Возникавшая путаница, во-первых, могла способствовать приобщению к смоленской шляхетской корпорации посторонних, даже выходцев из великорусских уездов. Во-вторых, она достаточно сильно влияла на порядок составления переписных книг, например, приводя к неустойчивой фиксации статуса рейтаров и смоленских рейтаров, составлявших 7-8% уездных землевладельцев.

Рассмотренные случаи женского землевладения по всем трём переписям позволяют сделать предварительный вывод, что оно сохранялось на правах маентностей, т. е. на условиях, отличающихся от общероссийского поместного или вотчинного права. Это служит дополнительным аргументом в пользу складывания положительных отношений смоленской шляхты с московским правительством. О достаточно спокойной интеграции шляхтичей в общество служилых людей Московского государства говорит и крайне малое количество изменников по материалам переписей: 3, 4 и 0, соответственно.

Приобщение дорогобужских землевладельцев к службе государю могло происходить не только в рамках территориальных служилых организаций. Минимум 4, 14 и 11 человек в каждый описанный год не отмечались никаким конкретным статусом. Это также могло быть связано с недостаточно скрупулёзной фиксацией информации, а, может быть, данные лица и не хотели записывать себя как смоленскую шляхту, надеясь с большей или меньшей вероятностью получить московские чины. Иным это удавалось. Крупнейшие землевладельцы Салтыковы даже смогли войти, точнее, вернуться в элиту государства и вскоре породниться с царской семьёй.

Московские служилые люди тоже начинали получать земельные владения в новоприсоединённом уезде.

Пример трёх монастырей — Бизюкова, Болдина и Свирколуцкого — свидетельствует о постепенном восстановлении монастырского землевладения в Дорогобужском уезде. Имели место также другие виды церковного землевладения, требующие особого изучения, равно как и коллективное землевладение казаков и пушкарей, как и мещанское землевладение.

Однако эти специфические владельцы почти не влияют на картину абсолютно преобладающего шляхетского землевладения на протяжении по меньшей мере двух десятилетий, до 1670-х гг. включительно. Таким образом, материал переписных книг количественно подтверждает, что интеграция смоленской шляхты в состав служилых людей Московского государства происходила с учётом её интересов.

Перспектива дальнейших исследований состоит в более строгом очерчивании социальной структуры землевладельцев Дорогобужского уезда путём сопоставления информации переписных книг с материалами других источников.

Библиография

1. Бенцианов М.М. Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV-XVI вв. М., 2021. 253 с.
2. Кирпичников И.А. Рязанская элита в Московском государстве. История интеграции. М., 2025. 912 с.
3. Кузьмин А.В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. II. М., 2015. 452 с.
4. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. 682 с.

5. Беляков А.В. Чингисиды в России XV-XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. 510 с. EDN: QPVBGF.
6. Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевицы в истории России. СПб., 2018. 486 с. EDN: XYXOWT.
7. Беляков А.В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. М.; СПб., 2022. 408 с. EDN: AKVNBA.
8. Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. 649 с.
9. Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 87-112.
10. Думин С.В. Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618–1654 гг. (по материалам Литовской метрики). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1981. 24 с.
11. Шпиленко Д.П. Смоленская шляхта как территориально-служилая организация (1654–1765 гг.): землевладение и военная служба // Край Смоленский. 2015. № 12. С. 23-28.
12. Петрухинцев Н.Н. Корпорации в эвакуации: смоленские служилые "города" после Смутного времени // Родина. 2013. № 9. С. 31-35. EDN: RQCGDZ.
13. Богословский М.М. Смоленское шляхетство в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. № 3. СПб., 1899. С. 25-61.
14. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988. 303 с. EDN: RXBACV.
15. Водарский Я.Е. Количество крестьян, помещиков и пашни на Смоленщине во второй половине XVII века // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск, 1972. С. 79-87.
16. Материалы к родословию смоленского дворянства / Сост. Д.П. Шпиленко. Вып. 1. М., 2006. 304 с.
17. Материалы к родословию смоленского дворянства / Сост. Д.П. Шпиленко. Вып. 2. М., 2009. 678 с.
18. Материалы к родословию смоленского дворянства / Сост. Д.П. Шпиленко. Вып. 3. М., 2014. 856 с.
19. Курбатов О.А. Неизвестная армия царя Алексея Михайловича: шляхта Великого княжества Литовского на царской службе во время войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы российско-польской научной конференции. Москва, 24-26 октября 2012 г. М., 2016. С. 293-308.
20. Курбатов О.А., Прудовский П.И. Шляхта и воинские подразделения Великого княжества Литовского на царской службе в 1654–1667 гг. // Россия и белорусские земли в XVII – первой половине XVIII в.: сборник документов. Т. II: 1654–1667 гг. М., 2025. 492 с.
21. Степанова Ю.В. Бельские волости в XVI-XVII вв.: историко-географическая характеристика региона на западном рубеже Русского государства // Genesis: исторические исследования. 2023. № 10. С. 32-40. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.68730 EDN: PUDMJN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68730
22. Степанова Ю.В. География землевладения в Бельском уезде в XVI-XVII вв.: реконструкция в ГИС // Историческая информатика. 2025. № 1. С. 190-208. DOI: 10.7256/2585-7797.2025.1.73990 EDN: QHCTEN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73990
23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 290. Л. 592-747.
24. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636.
25. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 922. Л. 1-128об.

26. Французова Е.Б. Переписные книги Смоленской земли второй половины XVII – начала XVIII вв. как источник по истории народонаселения // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 251-258.
27. Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. М., 2005. 544 с.
28. Список смоленской шляхты 1694 г. // Российская генеалогия. Вып. 4. 2018. С. 123-162.
29. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1. Т. 1. № 243.
30. Хитров Д.А. Писцовые книги XVII века. Материалы для лекционного курса "Источниковедение проблем истории России до начала XIX века" // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н.В. Козловой. М., 2023. С. 283-296. EDN: EILPBP.
31. Русский биографический словарь. М.; СПб., 1904. Т. 18. С. 120.
32. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Браки царей Ивана и Петра Алексеевичей и русская многоименность на пороге Нового времени // Dei Welt der Slaven. 2022. Jhrg. 67. Heft. 1. S. 68-90. DOI 10.13173/w5.67.1.068.
33. Крестоприводная именная книга польских и московских людей – шляхты, солдат, гайдуков и пашенных крестьян, вышедших в сентябре из Смоленска. Сентябрь 1654 г. // Смоленская шляхта. Т. II. М., 2011. С. 6-15.
34. Флоря Б.Н. Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой (20-е – 40-е гг. XVII в.) // Revue des Études Slaves. Т. LXX/2. 1998. № 70-2. P. 333-345. EDN: XAXZOD.
35. Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI – начало XX в.). Тула, 2009. 552 с. EDN: QBPQV.
36. Козлов О.В. К истории хозяйственного освоения западнорусских земель в XVI в. (по материалам Болдинского монастыря) // Землевладение и повинности феодально зависимых крестьян нечерноземной полосы (XVI – первая половина XIX вв.). Смоленск, 1982. С. 3-17.
37. Кондрашенков А.А. Монастырские и церковные крестьяне Смоленского края в XVII-XVIII веках // Землевладение и повинности феодально зависимых крестьян нечерноземной полосы (XVI – первая половина XIX вв.). Смоленск, 1982. С. 39-55.
38. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; гл. ред. В.Б. Крысько. М., 2008. Вып. 28. 303 с.
39. Русский биографический словарь. М.; СПб., 1901. Т. 21. С. 486-487.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Начиная со второй половины XVI века Московское государство выходит за рамки древнерусских границ и начинает активно осваивать соседние земли. Именно в этот период на фоне присоединения Казанского и Астраханского ханств появляется пословица «Волга – русская река», при этом помимо территориального расширения происходил и сложный процесс включения в русское общество региональных элит. Но социальное переустройство происходило не только в новых землях, затрагивало оно и старорусские регионы.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является персональный состав землевладельцев Дорогобужского уезда. Автор ставит своими задачами рассмотреть литературу по данной теме, проанализировать динамику персонального состава землевладельцев Дорогобужского уезда (по переписным книгам 1659, 1668, 1678 гг.), определить

записанные в источниках землевладельческие группы и посчитать конкретные показатели, связанные с ними, за рассматриваемый период.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать особенности землевладения в Дорогобужском уезде Смоленщины в XVII в. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя до 40 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Российского государственного архива древних актов, биографические словари, нормативно-правовые акты. Из используемых автором исследований отметим труды Б.Н. Флори, Е.Б. Французовой, А.А. Кондрашенковой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории Смоленщины. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Смоленщины, в целом, так и землевладением в этом регионе, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что Дорогобужский уезд Смоленщины выбран для изучения «из-за хорошей сохранности массовых источников по нему и удобства их сопоставления». На основе изучения переписных книг 1659, 1668, 1678 гг. автор отмечает, что «местное население в основном проявило лояльность к российским властям, а администрация, желая поддержать подобные настроения и во время войны обратить на свою сторону как можно больше шляхтичей Великого княжества Литовского, утверждала маентности почти за всеми прежними владельцами». В работе отмечается, что «пример трёх монастырей — Бизюкова, Болдина и Свирколуцкого — свидетельствует о постепенном восстановлении монастырского землевладения в Дорогобужском уезде».

Главным выводом статьи является то, что «материал переписных книг количественно подтверждает, что интеграция смоленской шляхты в состав служилых людей Московского государства происходила с учётом её интересов».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена таблицей и 3 диаграммами, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».